

Евгений Петров

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ИЛЬФЕ

...Мне хотелось бы написать несколько строк о записных книжках Ильфа, оставшихся нам после его смерти.

— Обязательно записывайте, — часто говорил он мне, — всё проходит, всё забывается. Я понимаю — записывать не хочется. Хочется глазеть, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя.

Очень часто ему не удавалось заставить себя сделать это, и его очередная записная книжечка не вынималась из кармана по целым месяцам. Потом надевался другой пиджак, и, когда нужно было записывать что-нибудь, книжечки не было.

— Худо, худо, — говорил Ильф, — обязательно надо записывать.

Проходило еще некоторое время, и у Ильфа появлялась новенькая записная книжка. Он с удовольствием рассматривал ее, торжественно хлопал ее ладонью по картонному или клеенчатому переплету и прятал в боковой карман с таким видом, что теперь-то уж будет вести записи каждый день и даже ночью будет просыпаться, чтобы записать что-нибудь. Некоторое время книжечка действительно вынималась довольно часто, потом наступал период охлаждения, книжечка забывалась в старом пиджаке и, наконец, торжественно приносилась домой новая.

Однажды Ильфу после настойчивых его просьб подарили в какой-то редакции или издательстве громадную бухгалтерскую книгу с толстой блестящей бумагой, разграфленной красными и синими линиями. Эта книга ему очень нрави-

лась. Он без конца открывал ее и закрывал, внимательно рассматривал бухгалтерские линии и говорил:

— Здесь должно быть записано все. Книга жизни. Вот тут, справа, смешные фамилии и мелкие подробности. Слева — сюжеты, идеи и мысли.

К своим увлечениям Ильф относился иронически. Он, несомненно, любил эту толстую книгу как носительницу совершенно правильной идеи — все записывать. Но он знал, что все равно никогда не заставит себя записывать каждый день в течение всей своей жизни, и потому подшучивал над книгой. Постепенно увлечение прошло, и в книге появились рисунки, небрежные и резкие ильфовские рисунки, где какой-нибудь профиль, или шапочка с пером, или странный верблюд с пятнадцатью горбами («верблюд-автобус», как называл его Ильф) были повторены десятки и даже сотни раз.

После Ильфа осталось много книжечек. Некоторые из них заполнены только наполовину, некоторые на треть, а в некоторых записи занимают лишь две-три странички. Остальные пусты или покрыты рисунками.

В 1925 году мы еще не начали писать вместе с Ильфом, и он главным образом занимался журналистикой.

Редакция послала Ильфа в Среднюю Азию. Это было его первое большое путешествие. Он потом часто и с удовольствием о нем вспоминал.

Разбирая записные книжки Ильфа, мы нашли заметки, касающиеся поездки в Среднюю Азию. Ильф был очень строг и даже беспощаден в своих литературных вкусах. От писателя он требовал точности, умения собрать и заготовить впрок наблюдения, неожиданные словесные обороты, термины. Мельком услышанные рассказы какого-нибудь случайного попутчика, кусочек ландшафта, промелькнувший в окне вагона, цвет неба или моря, форма дерева или описание животного — вот чему были посвящены его первые записи.

Это была, если можно так выразиться, писательская кухня.

Впоследствии, работая вместе, мы, прежде чем начать писать задуманную книгу, заготавливали на листах бумаги самые разнообразные наблюдения, сюжеты и мысли. Я уже говорил о том, что сейчас невозможно установить, кто что придумал. Но кое-что Ильф извлекал из своих записных книжек и требовал того же от меня.

Во время последнего путешествия по Америке мы купили пишущую машинку. Ильф очень увлекся ею. Ему нравился самый процесс печатания. В первый же вечер (это было в Нью-Йорке) он сел писать, вернее — печатать дневник. Он собирался делать это каждый день. Но поездка была так утомительна, что на дневник не хватало ни времени, ни сил.

Вернувшись в Москву, уже смертельно больной, Ильф снова вернулся к этой идее и стал регулярно записывать свои наблюдения, но уже не в форме дневника, а в виде коротеньких самостоятельных записей. За последний год своей жизни он напечатал так около двух листов.

Эти заметки он делал весной 1936 года в Остафьево и в Кореизе, затем летом на даче под Москвой, осенью — в Форосе и зимой, в 1936–1937 годах, в Москве.

Эта последняя работа — не просто «писательская кухня». На мой взгляд, его последние записки (они напечатаны сразу на машинке, густо, через одну строчку) — выдающееся литературное произведение. Оно поэтично и грустно.

Ильф знал, что умирает. Потому так грустны его последние записи. Он был застенчив и ужасно не любил выставлять себя напоказ.

— Вы знаете, Женя, — говорил он мне, — я принадлежу к тем людям, которые входят в двери последними.

Только в двух местах рукописи Ильф вспоминает о своей болезни:

«...и так мне грустно, как всегда, когда я думаю о случившейся беде».

«Такой грозный ледяной весенний вечер, что холодно и страшно делается на душе. Ужасно, как мне не повезло».

Это все, что он написал о себе.

«ОБЯЗАТЕЛЬНО ЗАПИСЫВАЙТЕ», или КНИГА ЖИЗНИ

Первое издание «Записных книжек» Ильи Ильфа готовил к публикации его друг и соавтор Евгений Петров. Оно появилось очень давно — в 1939 году, через два года после смерти Ильфа.

«Обязательно записывайте, — часто говорил Ильф Петрову, — всё проходит, всё забывается. Я понимаю — записывать не хочется. Хочется газетку, а не записывать. Но тогда нужно заставить себя».

Ильф заставлял себя. И не напрасно.

Перед нами его записные книжки: их тридцать пять. Тетради в клеточку, потрепанные блокноты, телефонные книжечки в клееватых и картонных обложках, элегантные американские ежедневники, отдельные листки, громадная бухгалтерская книга. Черновые заметки, наброски литературных сюжетов, рифмованная реклама и фамилии перемежаются записями дневникового характера.

Записные книжки — это, по сути, пунктирно обозначенный литературный путь Ильфа. До осени 1927 года он работал один, а следующие десять лет — в соавторстве с Евгением Петровым. Необходимо помнить, что он, как и его соавтор, являл собой совершенно самостоятельную творческую единицу. Об этом говорят его рассказы, фельетоны и очерки. Теперь перед вами его записные книжки.

Жанр записных книжек сложился давно. Известны записные книжки Жюль Ренара, Чехова, Блока, Льва Толстого. Мы знаем «Книгу прощания» Юрия Олеши, «Рабочие тетради» Твардовского. Записные книжки удовлетворяют интерес читателя к личности

писателя. Это не столько желание проникнуть в его творческий метод, сколько заглянуть в его душу. Ильф писал для себя, не предполагая, что записки будут напечатаны, поэтому они удивительно не кокетливы.

Как относился к своим записным книжкам Ильф? Как относиться нам к его записным книжкам? Следует ли считать, что его записи — всего лишь совместно придуманные «заготовки» к совместным произведениям? Разумеется, нет.

Записная книжка была постоянной спутницей Ильфа. В ней не только заготовки. Многие записи напоминают быстрые зарисовки на полях. Случайно подмеченные удачные детали — фамилии, наблюдения, мотивы — путешествовали из книжки в книжку, изменялись, развивались, совершенствовались, пока окончательно не удовлетворяли автора. Тогда у них появлялся шанс попасть в ильфовский рассказ, а оттуда — в общий роман или фельетон.

Так случилось, например, с «конторой по заготовке рогов и копыт». В записной книжке 1927/28 года появляется контора по заготовке «голубинового помета, тигровых костей (или башлыков)». «Контора рогов и копыт» из книжки 1928 года перемещается в одноименный ильфовский рассказ того же года. Но лишь в романе «Золотой теленок» это учреждение находит законное место: «Мы будем заготавливать что-нибудь очень смешное, — резвится Остап, — например, чайные ложечки, собачьи номера или шумклерский товар. Или рога и копыта. Прекрасно! Рога и копыта для нужд гребеночной и мундштучной промышленности!» А вспомните одесскую ночь, когда Остап с Зосей Синицкой сидят на ступеньках Музея древностей: «Было тепло и темно, как между ладонями». Однако еще в 1925 году ильфовское описание отъезда из Москвы («Огненный Курский вокзал. Ревущие дачники садятся в последний поезд...» и т.д.) заканчивается фразой: «Тепло и темно, как между ладонями». Уютное сравнение встречается еще раз (рассказ Ильфа «Для моего сердца»), и еще («Граф Средиземский» Ильфа и Петрова), и только после этого оно с комфортом укладывается на ложе повествования «Золотого теленка».

Разумеется, ильфовские записи отражают работу соавторов над их произведениями. Например, после того как осенью 1927 года им был подарен сюжет «Двенадцати стульев» и они впервые уселись за один письменный стол, в записных книжках Ильфа появляются и «словарь» Элочки Щукиной, и знакомые назва-

ния — «Одесская бубличная артель “Московские баранки”», «Упаковочная контора “Быстроупак”», «Бюро похоронных процессов “Нимфа”», а далее — не менее знакомые фамилии, выражения и ситуации. Длинный ряд записей из ильфовских блокнотов вливается в следующее произведение соавторов — повесть «Светлая личность» (1928), написанную, по утверждению Петрова, «в шесть дней».

Осенью 1928 года в записных книжках Ильфа преобладают наброски к циклу гротескных новелл «Необыкновенные истории из жизни города Колоколамска». Сходными ситуациями, фразами, фамилиями цикл этот словно предваряет их следующий роман. Например, в небоскребе, воздвигнутом в Колоколамске гостем из Южной Америки, есть своя «Воронья слободка», сны Завиткова напоминают ночные кошмары Хворобьева, гробовщик Васисуалий Лоханкин впоследствии уступает свои имя и фамилию искателю «великой сермяжной правды», а пиво и там и тут отпускается только членам профсоюза. Отдельные темы и мотивы, задуманные для этого цикла («В Колоколамске жильцы выпороли жильца за то, что он не тушил свет в уборной» или «Как колоколамцы нашли Амундсена...»), реализованы в «Золотом теленке». В конце апреля 1929 года в очередной книжечке Ильфа появляются первые наброски к циклу «1001 день, или Новая Шахерезада».

Сделанные еще в 1928 году записи («Человек объявил голодовку, потому что жена ушла», «Лев Рубашкин и Ян Скамейкин», «Дантистка Медуза-Горгонер») в следующем году пополняют свод материалов к роману «Великий комбинатор» (в будущем — «Золотой теленок»). Из книжки в книжку перелетают фразы: «Он произошел не от обезьяны, а от коровы», «Мне не нужна вечная игла для примуса. Я не собираюсь жить вечно», «С таким счастьем — и на свободе!», «Анализ мочи — на стол мечи», «Не давите на мою психику». До самой осени 1929 года ильфовские книжечки переполняют наброски к будущему роману.

Такова была природа ильфовского юмора, что он мог усмотреть смешное и на военных маневрах в Белоруссии, куда была командирована «бригада писателей и художников» (Ильф, Петров, Борис Левин и карикатурист Константин Ротов) осенью 1931 года. Суровая тема не исключала юмора. «Член Реввоенсовета сказал, — заносит Ильф в книжечку, — что у меня вид обозного молодца». Он записывает, что их с Петровым «томят сомнения — не зачислят ли их на довольствие как одного человека»

(«Смотрите, с вами обязательно произойдет недоразумение, — предрекал им коллега. — Ведь вы всегда пишете вдвоем, так что формально вы не два писателя, а один. Вот вас и зачислят на довольствие как одного человека»).

Осенью 1933 и зимой 1934 года Ильф и Петров побывали в Турции, Греции, Италии и Австрии (у венского издателя) и закончили путешествие в Париже, где написали либретто киносценария. Путевые записи Ильфа — подробные, датированные, — такие, по старой привычке газетчика, он постоянно вел во время командировок.

Еще более обстоятельные, фактически точные, пунктуально датированные записи мы находим в так называемых «Американских дневниках». Осенью 1935 года корреспонденты «Правды» Ильф и Петров отправились через Европу в Соединенные Штаты. Несмотря на нелегкие условия длительной поездки по стране Ильф неукоснительно записывал ежедневные впечатления. Многие строки почти дословно повторены в книге очерков «Одноэтажная Америка».

Естественно, после возвращения из Штатов Ильф не оставил привычки обращаться к записной книжке. Подробнее об этом — ниже.

Невозможно перечислить все темы и все «художественные особенности» его записей, но я и не ставила перед собой такой задачи. Я попыталась как-то систематизировать их. И вот что получилось.

Ильф был изобретателем и коллекционером смешных или каламбурных фамилий. Он собирал их, как Набоков собирал коллекции бабочек:

Тихомандрицкий • Мемфисов • Мадам Везувий • Баронесса Гаубиц • Дантистка Медуза-Горгонер • Новиков-Прибор • Кассий Взаимопомощев • Меерович-Данченко • Крыжановская-Винчестер • Лошадёнков • Профессор Скончаловский • Гражданин Сууп • Тов. Кретищенко • Канибалкер • Укусинен • Два брата-ренегата. Рене Гад и Андре Гад.

Ему принадлежат меткие определения:

Непреклонный возраст, мелкодраматический талант • Потухшее рыло • Седящее бебе • Гадкие, низкопробные

мальчики • Потенциальная гадюка • Железная бестия • Ветчинное рыло.

Он пользовался неожиданными словосочетаниями, создающими комический эффект:

Съел тельное, надел исподнее и поехал в ночное • Принципиально танцует • Толстовец-людоед • Лукулл, испытывающий муки Танталя • У баронессы Гаубиц большая грудь, находящаяся в полужидком состоянии • Лицо, не истощенное умственными упражнениями • Ели косточковые, играли на щипковых • Шницель под брильянтовым соусом из слез • Путаясь в соплях, вошел мальчик.

Подмечал смешные несоответствия:

Бежевые туфли и такого же цвета лиловые чулки • Есть звезды, незаслуженно известные, вроде Большой Медведицы • Меня тошнит от запаха чистой воды.

Давал гротескные характеристики:

Такой некультурный человек, что видел во сне бактерию в виде большой собаки • Он не знал нюансов языка и говорил сразу: «О, я хотел бы видеть вас голой» • До революции он был генеральской ж. Революция его раскрепостила, и он начал самостоятельное существование • Голос певца, которому кидают в шляпу медные пятаки • В нем жила душа гуся • Писатель со странностями всех сразу великих писателей • Что вы смотрите на меня глазами газели, которой овладел беспартийный козел?

Передавал неряшливый язык обывателей, который называл «идиотическим языком своих современников»:

Из моей жизни можно написать сценарий • Это он и есть текучесть техперсонала • У нас в посредрабисе при квалификации происходит колоссальная петрушка • Не волнуйся • Ставлю вас в известность, что у меня пропал кусок мыла.

Собирал газетные и канцелярские штампы:

По линии огурцов дело обстоит благополучно • Как работник сберегательной кассы я прошу вас изложить в юмористической форме те условия, в которых приходится работать сберегательным кассам • На основе всесторонней и обоюдоострой склоки

- Мы ваш творческий метод будем обсуждать в народном суде
- Наряду с недочетами есть и ответственные работники.

Пародировал официальные формулы и общепринятые выражения:

Празднование 800-летия Тихого океана • Ударное изготовление мыльного порошка «Коммунист» • Я как коммерческий директор тоже отвечаю за идеологию • «Собирайте кости ваших друзей — это утиль» • «Не красна изба углами, а красна управделами» • Анализ мочи — на стол мечи • Иван Грозный отмежевывается от своего сына • Список замученных опечаток • По линии наименьшего сопротивления все обстоит благополучно • Товарищи, если мы возьмем женщину в целом... • Они стали на путь изнасилования учениц.

Создавал поразительные метафоры:

Тусклый, цвета мочи, свет электрической лампочки • На стол был подан страшный, нашпигованный сплетнями гусь • Всеми фибрами своего чемодана он стремился за границу.

Создавал неожиданные эпитеты и сравнения:

Скрипка цвета копченой воблы • Невыпеченные ноги • Холодные волны вечной завивки • Ноги грязные и розовые, как молодая картошка • На диване лежал корсет, похожий на летательную машину Леонардо да Винчи • Пивные морщины • Персидская сирень, белая, плотная и набухшая, как разваренный рис.

Любил переиначенные цитаты и пословицы:

В песчаных степях Аравийской земли три (3) гордые пальмы безостановочно росли • Мадеполоамовый галстук, роскошь юных лет • Достиг я высшей меры... • Борцы вспоминают минувшие дни • Надо иметь терпениум мобиле • Шляпами закидаем.

Придумывал названия, «созвучные эпохе»:

Столовая «И все, как один, умрем» • Пруды просвещения • Фабрика военно-походных кроватей имени товарища Прокруста.

Записывал наблюдения «из жизни»:

В передней на крюке под потолком висит велосипед в простыне • Опасно ласкать рукой радиаторы парового отопления — они

всегда покрыты пылью? • Самоубийства дворников весной, когда в апреле внезапно выпадает густой снег • Шел Маяковский ночью по Мясницкой и вдруг увидел золотую надпись на стекле магазина: «Сказочные материалы». Это было так непонятно, что он вернулся назад, чтобы еще раз посмотреть на надпись. На стекле было написано: «Смазочные материалы».

Изобретал комические ситуации:

В квартире, густо унавоженной бытом, сами по себе выросли фикусы • Иванов решил нанести визит королю. Узнав об этом, король отрекся от престола • Мне обещали, что я буду летать, но я все время ездил в трамвае • Добивается командировки, чтобы купить себе кальсоны • У нее была последняя мечта. Где-то на свете есть неслыханный разврат. Но эту мечту рассеяли • Пианист бросил играть, потому что в первом ряду сидел господин и вертел носком желтых ботинок • Он пришел в шинели пехотного образца и тут же, еще в передней, начал выбалтывать государственные тайны.

Пародировал типические явления:

- Из-за головотяпства не выпустили календарей, и люди забыли, какое число. Продолжалось это месяц • Если человек говорит: «Мне нужно освежить в памяти сюжет», это значит, что он ничего не читал • Решено было не допустить ни одной ошибки. Держали двенадцать корректур. И все равно на титульном листе было напечатано: «Британская энциклопедия».

Набрасывал сюжеты-гротески:

- Одинокий ищет комнату. Одинокому нужна комната. Одинокий, одинокий, страшно одинокий. Одинокий с дочерью ищет комнату.

- Это был не кто иной, как господин Есипом. Господин Есипом был старик крутого нрава. Завещание господина Есипома. Господин Есипом не любил холостяков, вдов, женатых, невест, женихов, детей — он не любил ничего на свете. Таков был господин Есипом.

Привидений господин Есипом не любил за то, что они появляются только ночью, а фининспекторов за то, что они приходят днем.

Это также относилось к числу странностей господина Есипома.

Записывал дурацкие разговоры:

— Вы меня слышите? — Да, я вас слышу. — И я вас тоже хорошо слышу? — Так вы мне звякните! — Обязательно звякну! — Значит, звякните? — Звякну, звякну, непременно звякну. Я тебе звякну, старый идиот. Так звякну, что своих не узнаешь! • — Что у вас там на полке? — Утюг. — Дайте два! • Разговор по междугородному телефону: «Есть повидло бочковое! Покупать? Не надо? Кончено. Есть повидло бочковое! Покупать? Не надо? Кончено!»

Намеренно излагал свой «авторский текст» казенным языком:

...Я вижу, что явления в смешанной кооперации ничем, собственно, не отличаются от явлений в кооперации несмешанной и что на Крайнем Севере система обращения с казенными деньгами та же, что и на юге, а также в равнинной части страны • Миновав иву вавилонскую, ясьень обыкновенный, дуб обыкновенный, скамейку садовую и уборную женскую, мы прошли прямо в ресторан... • «Я истратил на бессмысленный телефонный разговор 45 копеек. Верните мне эту сумму».

Эти фразы могли бы стать (а некоторые стали) афоризмами:

Все талантливые люди пишут разное, все бездарные люди пишут одинаково и даже одним почерком • Приказано быть смелым • Искусство на грани преступления • Отдаться мало! • Вас я помню, а стихи — забыл • Не гордитесь тем, что вы поете. При социализме все будут петь • Смешную фразу надо лелеять, холить, ласково поглаживая по подлежащему • «Нет, это не жизнь для белого человека» • С таким счастьем — и на свободе! • Жить на такой планете — только терять время.

Однако наступает момент, когда записная книжка перестает быть для Ильфа копилкой сюжетов, фамилий, анекдотов, метафор и неожиданных словесных оборотов, которые могут понадобиться для работы. Появляются другие, самостоятельные записи. Ильф подводит итог своей жизни.

В предисловии к посмертному изданию ильфовских записных книжек Петров назвал их «выдающимся литературным произведением»: «Оно поэтично и грустно. Ильф знал, что умирает. Поэтому так грустны его последние записки. Он был застенчив и ужасно не любил выставлять себя напоказ».

В разрозненных, беспорядочных на первый взгляд записях не нужно искать единый сюжет. В коротких заметках есть свой внутренний пафос.

Ильф невысоко ставит умственные способности окружающих:

Соседом моим был молодой, полный сил идиот • Утешало его только то, что сорок миллионов лет назад все люди были такие • Справедливость идиотов. Один раз я, другой раз ты. Равноправие идиотов.

Появляется довольно странное определение — «в краю непуганых идиотов». Но разве в 1936–1937 годах они были «непугаными»? Скорее уж — «перепуганными». Однако именно животный страх перед властью вызвал эмоциональный ступор, и всеобщее единогласие сделало «идиотическое» общество неким «краем непуганых птиц».

В выражениях резких, но верных Ильф оценивает литературу и искусство тех лет:

Полный набор литературных отмычек • Речь Сталина переделал в стихи • Пишет стихи, словно выбирает почетный президиум. Обязательно упоминается весь состав • Список людей, получающих квартиры. Список людей, умеющих работать • Я не художник. Я начальник • Они сейчас начинающие писатели, но никак не могут этого понять. Им все кажется, что они главные • Очень легко писать: «Луч солнца не проникал в его каморку». Ни у кого не украдено и в то же время не свое • Жеманство в стихах и статьях. Век жеманства • Чувство стыда не покидает все время. Пьеса написана так, как будто никогда на свете не было драматургии, не было ни Шекспира, ни Островского • Это неприятно, но это так. Великая страна не имеет великой литературы.

Однако Ильф не был мизантропом. Мизантроп не написал бы:

• Севастопольский вокзал, открытый, теплый, звездный. Тополя стоят у самых вагонов. Ночь, ни шума, ни рева. Поезд отходит в час тридцать. Розы во всех вагонах.

Или:

• Сквозь лужи Большой Ордынки, подымая громадный бурун, ехал на велосипеде человек в тулупе. Все дворники

весело кричали ему вслед и махали метлами. Это был праздник весны.

Следует помнить: юмор для Ильфа — не самоцель. Он и к самому себе относился юмористически («Я родился в бедной еврейской семье и учился на медные деньги» или «Нет, я не хуже других и не лучше»). Но есть у него строки — откровенные, полные доверия и печали:

Если человек мне подходит, я нуждаюсь в нем уже всегда, каждую минуту • Кроме того что я стар и уже порядком очерствел, я еще и мальчик, малодушный и впечатлительный пижон... • Писем я не получаю, телеграмм я не получаю, в гости ко мне не приезжают. Последний человек на земле.

Запас жизненных наблюдений и раздумий Ильфа придал последней книге 1936–1937 года совершенно самостоятельную художественную ценность. Книга меняет жанр. Из книги записей, на которую литературоведы обычно наклеивают ярлык «писательская кухня» (или «творческая лаборатория»), вызывающий ассоциации с грязными кастрюлями и медицинскими анализами, она превращается в «Книгу жизни».

Это новый тип художественной прозы — единый по духовному подтексту и творческому почерку труд, жанр которого невозможно определить. Это целый мир: микроновеллы, эссе, метафоры, остроты, афоризмы и портреты. А спокойное наблюдение Ильфа — «Снег падал тихо, как в стакане» — стало даже источником вдохновения для одного поэта.

Евгений Петров писал: «У него было огромное уважение к слову». Ильф распоряжался словом изобретательно, непринужденно, с артистическим изяществом.

Нам остается насладиться его юмором и иронией, принять его скепсис и грусть, разделить его тихую радость.

«Книга жизни» Ильфа — перед нами.

* * *

Читателям предлагается сокращенный вариант «Записных книжек» Ильи Ильфа. Утратив «научные» признаки первого полного издания (М.: Текст, 2000), книга представляет полноценное художественное произведение.

Сокращения произведены за счет путевых заметок и американских дневников (читайте «Одноэтажную Америку!»), повторов, а также наименее впечатляющих и так называемых «бытовых» записей. Неоценимая помощь читателей и рецензентов позволила заполнить часть лакун, имевшихся в комментариях к первому изданию.

Комментарии не излишни. Конечно, можно смеяться и без комментариев. Но сейчас без них — ни шагу. Они откроют вам нечто новое, напомнят о забытом, вернут в минувшие времена.

Александра Ильф

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Библиография дана в сокращениях. Ссылки на романы «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» приводятся с указанием глав, а не страниц. Ссылки на остальные произведения Ильфа и Петрова даются с указанием года издания. Фамилии авторов перед названием совместных произведений опускаются.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ДС — Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Первый полный вариант романа с ком. и предисл. М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 1997.
- ДС/Текст — Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Авторск. редакция. Сост. и предисл. А.И. Ильф. М.: Текст, 2000, 2004.
- ЗТ — Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. Подготовка текста и вступит. ст. М. Одесского и Д. Фельдмана. М.: Вагриус, 2000.
- ЗТ/Текст — Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. Авторск. редакция. Вступит. ст., сост. и ком. А.И. Ильф. М.: Текст, 2003.
- ВК — Илья Ильф, Евгений Петров. Планы и наброски к «Великому комбинатору». — В кн. ЗТ/Текст, с. 263–412.

- ВК, ч. 1 — Илья Ильф, Евгений Петров. Великий комбинатор. Роман. 1-я часть. — ЗТ, с. 390–461.
- ОА — Илья Ильф, Евгений Петров. Одноэтажная Америка. Письма из Америки. Письма читателей. Авторск. редакция. Фотографии Ильи Ильфа. Сост. и вступ. ст. А.И. Ильф. М.: Текст, 2003.
- Евгений Петров. Мой друг Ильф — Евгений Петров. Мой друг Ильф. Предисл., сост. и ком. А.И. Ильф. М.: Текст, 2001.
- Щеглов/ДС — Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Ю.К. Щеглов. Ком. к роману. М.: Панорама, 1995.
- Щеглов/ЗТ — Илья Ильф, Евгений Петров. Золотой теленок. Ю.К. Щеглов. Ком. к роману. М.: Панорама, 1996.
- Долинский — Илья Ильф, Евгений Петров. Двенадцать стульев. Золотой теленок. Предисл. А.И. Ильф. Ком. М.З. Долинского. М.: АСТ-Пресс Книга, 2002.
- Съезд — Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934. Стенографический отчет. Репринтное издание. М.: Сов. писатель, 1990.
- В. Ардов — В. Ардов. Чудодеи. — Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель, 1963.
- С. Бондарин — Сергей Бондарин. Милые давние годы. — Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель, 1963.
- Бор. Ефимов — Бор. Ефимов. Москва, Париж, кратер Везувия... — Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель, 1963.
- Я. Лурье — Я.С. Лурье. В краю непуганых идиотов. Книга об Ильфе и Петрове. Предисловие Омри Ронена. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2005.

Из города ЭНН — Омри Ронен. Из города ЭНН. СПб.:
Изд-во журнала «Звезда», 2005.

М. Штих — Михаил Штих (М. Львов). В старом «Гудке». —
Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении Петрове.
М.: Советский писатель, 1963.

Эренбург — Илья Эренбург. Из книги «Люди, годы,
жизнь». — Воспоминания об Илье Ильфе и Евгении
Петрове. М.: Советский писатель, 1963.

А. Эрлих — А. Эрлих. Начало пути. — Воспоминания об
Илье Ильфе и Евгении Петрове. М.: Советский писатель,
1963.

Яновская. Наш друг Ильф. — Лидия Яновская. Записки
о Михаиле Булгакове. Израиль, 1997.

Коррективы и комментарии Леонида Дубшана (СПб.) и Евгения
Перемышлева (Москва), дополняющие или корректирующие
свод примечаний к первому полному изданию «Записных кни-
жек», см.: Александра Ильф. Комментарии не излишни! — Вопро-
сы литературы, 2005, № 6.

Использованы следующие источники: БСЭ, СЭС, Литературная
энциклопедия (1929–1939), Первый всесоюзный съезд совет-
ских писателей. 1934. Приложения (1990), Литературный
энциклопедический словарь (1989), В. Казак. Лексикон рус-
ской литературы XX века (1996), Американа. Англо-русский
лингвострановедческий словарь (1996), периодика 1920–
1930-х годов и др.

Составитель выражает искреннюю благодарность всем, кто внес
свой вклад в заполнение лакун в комментариях к «Записным
книжкам».

1925

В январе 1923 года Илья Ильф переезжает из Одессы в Москву и начинает работать в «Гудке» (газете железнодорожников) — сначала литобработчиком, затем корреспондентом. Работы много, но он успевает писать и для себя. Бок о бок с ним трудятся Юрий Олеша, Михаил Булгаков, Валентин Катаев. В «Гудке» он знакомится с младшим братом Катаева — Евгением Петровым, будущим соавтором.

«“Гудок” — пора молодости, годы накопления опыта, наблюдений, мыслей, сюжетов, сравнений, метафор, годы созревания, развития сатирического мышления, конкретной творческой направленности и мастерства», — писал старый гудковец, Арон Эрлих.

Железнодорожная газета, открывая перед своими сотрудниками возможность длительных поездок по стране, давала простор для их жизненных наблюдений. В 1925 году газета командировала Ильфа в Среднюю Азию (он назвал свое путешествие «На пути в Багдад»). Это была первая большая командировка, из которой он привез добротный журналистский материал. На основе блокнотных записей были написаны четыре очерка, объединенных общей темой: «Перегон Москва—Азия», «Глиняный рай», «Азия без покрывала» и «Энвер-басмач».

Впечатления от поездки Ильфа по Волге с тиражной комиссией на пароходе «Герцен», перенесены в роман «Двенадцать стульев», написанный «в четыре руки» с Евгением Петровым два года спустя: «Пароход «Скрябин», арендованный Наркомфином, должен был совершать рейс от Нижнего до Царицына, останавливаясь на каждой пристани и производя тираж выигрышного займа» и т.д. Даже в деловых, лаконичных заметках угадывается наблюдательный автор будущих очерков и фельетонов.

Несколько заключительных записей, сделанных в сентябре–октябре, вошли в фельетоны Ильфа, написанные в том же году. Знакомые фразы найдут свое место в романе «Двенадцать стульев».

20 ИЮНЯ — НАЧАЛО ИЮЛЯ 1925 СРЕДНЯЯ АЗИЯ

Восток начинается уже на вокзале.
Газеты «Средне-Азия».

За Перовым дорогу пересекают мачты Шатурской станции. Розовый Голутвин. Бабы тащат ведра из реки, поливают огороды. Паром с фонарями. Картофельные поля. Мягкое небо. Сырость.

Мой спутник все время кричит бойким голосом: «Поспим еще».

Станция Сырт. Откосы красной глины. Всё в холмах зеленых и желтых. Поле пестреет кучками собранного сена. В сенокосилку запряжены лошадь и верблюд. Станция Маячная. На горизонте верблюды. Первая юрта. Татары в каракулевых шапочках.

Река Илек, камышовые бараки. Ковыль цветет пушистыми бородами. Оживление в Актюбинске. От лепного московского неба следа нет. Вылупились крупные звезды.

Ст. Саксаульская. Зной. Всё голо. Пионеры в одних почти галстуках. Уже близко Аральское море — торгуют рыбой. «Гудок» здесь читают сразу по получении.

Ослепительный свет солнца. Горят на солнце соляные лужи. Блистает кристалл.

Виден темно-голубой залив Аральского моря. Мы увидели корабельные мачты за песками.